

Осторожно: материнство

Материал этой статьи посвящен размышлениям о том, как возникает и к чему приводит материнская любовь, которая становится одной из форм психологического насилия матери над любимым ребенком.

Довольно распространенное суждение: материнской любви не может быть слишком много. Совершенно различные психологические концепции: такие как психоанализ, и в классическом и в современном звучании, теория привязанности Боулби, и гуманистическая психология, бихевиоризм Л.С.Выготский и его последователи каждый на своем «языке» сходятся в одном: отношение матери к ребенку определяет его развитие. Необходимым источником силы Его ребенка, способности к личностному росту, его психического здоровья является материнская любовь, ее тепло, забота, внимание. Более привычная чаще обсуждаемая патология материнства – недостаток материнской любви материнская депривация. Не менее опасная – ее избыток, или «воспаление материнства». (Эрве Базен)

Каролин Эльячефф, Натали Эйниш это явление называют неврозом материнской любви, считают его патологической привязанностью, состоящей в неодолимом желании отдать ребенку всю себя, что доставляет матери тем более сильное удовольствие, чем сильнее ее зависимость от ребенка.

Психоаналитик Франсуаза Кушар, использует термин «захватничество» [1], говоря о психологическом пленении ребенка материнской любовью. Формы «материнского захватничества» разнообразны: принуждение соответствовать общепринятым общественным нормам и моделям, выведывание секретов, наветы и обвинения, всякого рода вмешательства в личную жизнь и т.п. В их основе – смешение идентичностей.

Алис Миллер вскрыла суть и сделала доступной пониманию одну из наиболее необычных форм материнского «захватничества», названной «нарциссическими злоупотреблениями». Материнские «нарциссические злоупотребления» собственным ребенком представляют собой самопроецирование матери на сына или дочь, чей потенциал используется не ради его развития, но ради удовлетворения нереализованных потребностей матери. Драма и парадокс захваченного в плен ребенка в том, что, с одной стороны, он – ребенок – король, а с другой, ребенок – жертва.

«Нарциссические злоупотребления» могут проявиться в различных парных отношениях: отец – сын, мать – сын, отец – дочь, мать – дочь. По сравнению с мальчиками, на девочек «нарциссические злоупотребления» матери оказывают более деструктивное воздействие, поскольку имеют в своей основе межидентичностное нарушение. Собственническое отношение матери к дочери проявляется в жестком насаждении созданной матерью жизненной модели, в которой содержатся требования к дочери делать все возможное для полной реализации замыслов матери. В результате создаются трудно (а порой, непреодолимые) препятствия для формирования собственной идентичности дочери. Лишенная матерью собственной идентичности, девочка вынуждена нести двойной груз, конструируя ложную самоидентичность и к тому же помогая реализовывать чужую – материнскую. Мать, забыв о своей женской самореализации, обременяет дочь необходимостью осуществлять вместо себя собственные желания.

Следует отметить еще один парадокс в развитии ребенка, «захваченного в плен» материнской любовью. Речь идет о том, что избыток любви фактически оборачивается недостатком реальной любви. Мать через любовь к ребенку восполняет недостаток любви к себе: она любит себя в ребенке, а не реального ребенка своей жизни. Впоследствии это оборачивается недостатком самоуважения ребенка, его зависимостью в межличностных отношениях, постоянным стремлением к получению любви и признания.

Такой паттерн зависимости приводит к тому, что дочери воспроизводят почти в неизменном виде материнскую модель отношения уже к их собственным детям.

Перед взрослеющим ребенком встает дилемма, в разной степени осознаваемая, но всегда трудно разрешаемая: приложить неимоверные усилия к освобождению от материнской зависимости, либо сохранить преданность сложившимся отношениям.

Освобождение от насилия материнской любви означает в конечном итоге реализацию возможности жить полноценной жизнью, построение собственной идентичности. Это требует огромных личностных ресурсов — реализовать это замысел, найти свое место в жизни своего поколения, планировать будущее. Однако, реализация этого замысла прелатствуют как внутренние, так и внешние причины. Во-первых, у женщины отсутствует знание иной идентификационной модели, кроме модели «мать своей дочери»; ею не реализуются другие женские роли, кроме роли «маминой дочки». Во-вторых, мать всеми силами сопротивляется попыткам отделения. Ее сознание питается мифами о «великой добродетели», о жертвенности материнской любви. К тому же социальные нормы, которые призывают женщин становиться матерями и матерями. «матерями больше, чем женщинами», только усиливают отказ разделиться. Выполняя такую функцию, матери, отдавая себя, свои лучшие чувства, время своей жизни своему ребенку, считают себя вправе требовать на столь же интенсивную ответную любовь. Они ожидают от ребенка благодарности и полной ответственности.

Потребность в отделении начинает остро себя проявлять в подростковом возрасте. Но именно в этот период подростничества, когда границы между детством и взрослостью расплывчаты, положение матерей и дочерей далеко не симметричны. Позиция матери, поддерживаемая социальными нормами, требующими благодарности ребенка за самоотвержение матери, выглядит сильной, справедливой. Дочь, пытающаяся вырваться от материнского плена, выглядит в глазах матери неблагодарной, равнодушной. Более того, хотя, в противоположность матери, несет реальное бремя этих норм. В течение длительного времени детства она интериоризирует в форме ответной любви к матери чувство благодарности и зависимости, вместе с ними и чувство вины, усиливающееся с каждой попыткой вырваться на свободу. Т. о., равенство позиций матери и дочери в том, что материнскому поведению есть полное оправдание, а стремление дочери к самостоятельности вызывает у девушки-подростка страдание совести.

Материнские предписания сохраняют свою влиятельную жесткость не только в подростковом периоде, но остаются мощными регуляторами поведения и в жизни взрослых дочерей. Дело в том, что при «материнском захвате» в отношениях мать-дочь отсутствует, прежде всего, временной параметр. Мать не хочет замечать и не замечает возрастных изменений в дочери, не считает ее взрослением. Ее отношения застывают в точке «вне времени», принимают вид незыблемого паттерна, в котором существует лишь пара «мать — дочь». Для дочери это означает жизнь по сценарию матери, где роль матери-ребенка остается неизменной во все времена, несмотря на то, что дочь уже стала взрослой женщиной. Мать, которая не может обойтись без дочери, всеми сознательными и бессознательными силами сопротивляется любым изменениям сформировавшегося паттерна: мать не может обходиться без дочери-ребенка, она находится в еще большей зависимости от дочери, чем взрослая дочь от матери.

Влиятельные, навязанные модели материнского сексуального поведения управляют как эмоциональными, так и сексуальными отношениями с противоположным полом. По сути дела такая позиция матери и дочери препятствует установлению каких-либо других связей и отношений с другими людьми, которые могли бы стать объектами эмоциональной и/или сексуальной привязанности.

Где проходит граница между адекватными материнско-дочерними отношениями и «захватничеством» или историческими злоупотреблениями? Как различить естественную эмоциональную привязанность матери к своему ребенку и ее экстремальные, извращенные формы? Что в дальнейшем позволит дочери, однажды ставшей женщиной, быть и чувствовать себя самой собой и в большей или меньшей степени, но независимой?

Вопрос заключается не в количестве изливаемой на ребенка любви, которой, для начала, стоило бы сделать оптимальную меру. Что в действительности существенно, так это качество пространства, которое существует между матерью и дочерью, а также чем (кем) и как оно обживается.

Речь идет о том, что мать выстраивает с дочерью такие отношения, в которых не остается пространства для третьего. Образование пары «мать-дочь», ее функционирование постоянно характеризуется таким образом, что отец исключается из общения с дочерью. В пространстве

межличностного внутрисемейного взаимодействия ему не остается места. Альдо Наури называет такие отношения между матерью и дочерью «платоническим incestом».

Отсутствие опыта триангуляторных отношений в семье, препятствует формированию у будущей женщины полноценной модели межличностного взаимодействия в гетерогенной паре.

Исключение отца из пространства отношений матери и дочери становится все более распространенным явлением в современных брачно-семейных отношениях. Постоянно растет число монородительских (материнских) семей, где ребенок не знает своего отца априорно. Такая женщина-мать отводит мужчине единственную роль «производителя», лишая его и роли любовника. Департенализация («отлучение отца») от ребенка наблюдается и как следствие развода, когда женщина всеми силами не допускает отца к ребенку, прекращая вместе с супружескими отношениями и родительские взаимодействия. Не подпуская отца к ребенку, женщина мстит, обесценивает отца как представителя мужского рода вообще, оберегает ребенка от «вредного» влияния, выполняет материнское предписание своей матери и т.п. Во всех этих случаях «мать больше чем женщина» предпринимает неимоверные усилия, чтобы занять место отца своего ребенка.

Департенализация может привести к своеобразной ларентификации, когда ребенок становится заменителем отца, выполняя не свойственную ему роль, занимая чужое (супружеское) место. Эту роль «заменителя» супруга матери возлагают не только на сына, но и на дочь. Дочь, выросшая в таких отношениях, не только вынуждена принять отведенную ей роль, но и сама становится охранителем пространства взаимодействия, в котором нет места третьему. Это особенно отчетливо проявляется в ситуациях, угрожающих «инцестуозным» отношениям дочери с матерью. Речь идет о ситуациях, когда у матери появляется любовник, потенциальный супруг или другой ребенок. Ревность дочери к матери проявляется в том, что дочь не позволяет никакому третьему лицу приблизиться к матери, нарушить их смешанное пространство, всячески препятствуя обозначению границ между материнской и собственной идентичностью.

Во всех описанных ситуациях процесс социализации ребенка осложняется. Департенализация негативно сказывается на способности к социализации молодых людей в связи с отсутствием в их системе жизненных установок «мужского» измерения. Поскольку мать и дочь принадлежат к одному полу, мать становится зеркалом для дочери, а та, в свою очередь, – нарциссической проекцией первой. В таких случаях наблюдается почти телелатическое, если даже не бессознательное общение, которое ведет к смешению идентичностей. Разрушение межличностных границ между дочерью и матерью, с одной стороны, и исключение третьего (отца) с другой, безусловно, являются взаимодополняющими факторами. Если мать стремится к исключению мужских фигур из межличностного пространства своей дочери, то усвоенный дочерью способ взаимодействия становится помехой в социализации девочки, не обеспечивая ей необходимые первичные условия для реализации личностной самостоятельности, для формирования подлинной, а не смешанной идентичности.

Еще Дональд Винникот обосновал необходимость отделения ребенка от матери, для чего необходим «переходный объект», подлинный «третий», позволяющий ребенку существовать вне матери. Наличие такого объекта соответственно возможно лишь благодаря способности матери поддерживать оптимально свободное пространство между собой и ребенком. Пространство между матерью и ребенком требует чуткости матери к потребностям ребенка, взвешенности ее материнской любви. Мудрость материнской любви состоит в том, чтобы не быть навязчивой, с одной стороны, а с другой стороны, позволить ребенку получать удовольствие от общения с матерью без тревоги быть разлученным с нею или покинутым. Именно включение в отношения мать-дочь отцовской фигуры – не только естественный процесс, но и необходимое условие социализации ребенка, позволяющее ребенку выстраивать границы своего личностного пространства, формировать личностную идентичность.

Литература

1. Кушар, Ф. Материнское захватничество и жестокость / Ф. Кушар – Париж, Дюно, 1991. – 151 с.
2. Эльячэфф, К., Эйниш Н. Дочки-матери. Третий лишний? / – К. Эльячэфф, Н. Эйниш. – М.: 2006. – 448 с.